

15 ЮННЯ.

на груди, точно защищая ее отъ направленныхъ въ нее пуль.

Еще три часа—и онъ будетъ группомъ, брошеннымъ въ гробъ на цѣлую вѣчность. Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ. Ему даже постышалось, какъ стучать комья земли по крышкѣ его гроба.

Умереть въ тридцать лѣтъ. Умереть въ цвѣтъ силъ и здоровья, по идѣ это ужасно! Это даже немислимо! Разстаться со всеми радостями скромнаго удѣла, съ дорогими для него обязанностями сана, — утѣшеніемъ бедныхъ и страждущихъ; отказаться отъ трапезы съ братьями, отъ ухода за любимыми животными и садомъ! Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ такую глупость? Къ чему добровольно пожертвовалъ собою? Въ себя, онъ бросился къ калиткѣ и разомъ отперъ ее. Его блуждающій взглядъ остановился на тропинкѣ, пролегавшей черезъ поле и соединявшейся съ большою дорогою. Тамъ, въ нѣсколькихъ километрахъ была желѣзнодорожная станція. Аббатъ оглянулся вокругъ себя, поле было пустынно. Вплотъ до горизонта не видно было ни души. Никто-бы не замѣтилъ его бѣгства: онъ добрался-бы до станціи, сѣлъ-бы на поѣздъ, уѣхалъ-бы далеко, далеко, сталъ-бы свободнымъ, могъ-бы жить! Жить...

Почти безумный, онъ уже хотѣлъ-было бѣжать съ непокрытой головою... Но его слово?.. Но Леруа?

Аббатъ Легранъ со стономъ захопнулъ калитку и бросился на колѣни. Онъ всѣми силами своей вѣрующей души началъ призывать на помощь Христа Спасителя, Который какъ и онъ, въ Масличномъ саду испытывалъ всѣ страхи и ужасы приближенія смерти. Онъ молилъ Его поддержать въ немъ твердость духа и до конца не лишать его мужества.

Подкрѣпившись молитвою и сознавая, что трусость навѣяна на него уединеніемъ и мечтательностью, онъ посмѣлился войти въ домъ.

Аккуратно собравъ всѣ бумаги и пересчитавъ свои сбереженія, состоявшія въ облигаціяхъ желѣзныхъ дорогъ и нѣсколькихъ банковыхъ билетахъ, онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ достойнѣйшимъ лицамъ общества, въ томъ числѣ и бѣднякамъ Леруа, капиталы въ пятьсотъ и въ тысячу франковъ, для поселенія—цѣлое состояніе! Многимъ изъ прихожанъ были назначены на память вещи, книги, растенія, даже старинныя тарелки. Наконецъ, свою любимую ослицу онъ отказалъ богатымъ людямъ, умоляя ихъ не продавать ея никогда, чтобы ей не пришлось на старости лѣтъ волочить по большимъ дорогамъ тележку ярмарочнаго торговца.

Устроивъ всѣ дѣла, аббатъ Легранъ тщательно выбрился, надѣлъ новую рясу, новые башмаки съ пряжками и даже положилъ въ карманъ перчатки.

Онъ долго молился, молился съ жаромъ, съ вѣрою, прося у Бога прощенія за всѣ свои грѣхи и предавая себя на Судъ и Милосердіе Всевышняго. Когда пробило три часа, онъ вышелъ на улицу, но, замѣтивъ, что все небо заволокло тучами,—какъ аккуратный человекъ, вернулся за зонтикомъ.

Церковь была полна народа, какъ въ двенадцатый праздникъ.

По случаю несчастія постигшаго селеніе, даже самые ненабожные изъ прихожанъ толпились около человека, представлявшаго въ лицѣ своемъ наивысшій моральный авторитетъ. Аббатъ Легранъ въ стихарѣ прошель черезъ толпу вѣрующихъ и взошелъ по ступенькамъ на кафедру.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Возлюбленные братья! Я очень счастливъ, что вы собрались въ такомъ большомъ количествѣ. Помолитесь-же вмѣстѣ за осужденныхъ, которые скоро предстанутъ на судъ Всевышняго Творца нашего. Я вымолилъ пощаду для одного только Леруа, какъ человека семейнаго, но не могъ ничего сдѣлать для Венсана и Лардера; я видѣлся съ ними и паустовалъ ихъ. Они приготовились къ смерти и умерутъ, какъ христиане, какъ французы!

Затѣмъ, просто, безъ трескучихъ фразъ, онъ сказалъ рѣчь о долгѣ, о самопожертвованіи, о любви къ ближнимъ и къ отечеству. Его слова проникли даже въ глубину души того общества, интересъ котораго постоянно вертѣлся только около вопросовъ матеріальнаго свойства. Одна женщина въ толпѣ испустила раздирающій душу крикъ. Это была бѣдная мать несчастнаго юноши Венсана. Она упала, лишившись чувствъ. Ее вынесли за ограду церкви и привели въ себя. Чтобы отвлечь вниманіе толпы, въ которой началъ раздаваться глухой ропотъ, священникъ снова обратился къ своимъ прихожанамъ.

— Возлюбленные братья! Помолитесь-же за души осужденныхъ. Я спою первую строфу, и всѣ вѣрующіе да вторятъ мнѣ.

И, вставъ лицомъ къ алтарю, онъ мощнымъ, утѣреннымъ голосомъ запѣлъ *de profundis*. Окончивъ исаломъ, онъ благословилъ присутствующихъ, увѣщевалъ ихъ быть сдержанными и покорными воли Божьей, совѣтовалъ всѣмъ разойтись и запереться у себя дома.

Всѣ видѣли, какъ онъ отпирался въ домъ сельской школы, держа надъ собою раскрытый зонтикъ.

На-утро поселене съ ужасомъ узнали, что ихъ любимый священникъ былъ разстрѣлянъ.

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

(Замѣтки читателя.)

I.

Казалось уже, что нашъ „мужикъ“-народъ съ его сѣрымъ горемъ и сѣрыми радостями, на котораго какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ еще были обращены всѣ взоры въ журнальной литературѣ,—навсегда утратилъ свой интересъ и безцеремонно выведенъ за-двери салоновъ нашихъ растолстѣвшихъ не въ мѣру, отъѣзжихъ за тѣмъ-же мужицкимъ горбомъ—ежемѣсячниковъ.

Нелѣпная погоня за новизной заставила торопливыхъ дѣятелей журналистики забыть не только мудрое изрѣченіе, гласящее о томъ, что не все старое дряхло и гнило, и что не все новое вѣетъ свѣжестью ранней юности. Они забыли даже и о томъ, что литература, оторвавшаяся отъ народа, отрывается въ то-же самое время и отъ жизни, становясь мертвымъ тѣломъ. Мертвечиной декадентскаго мистицизма повѣяло отъ нашей журнальной литературы на жизнь и вотъ уже вѣяло цѣлый рядъ лѣтъ, почти безсѣдно пропавшихъ для хода развитія литературно-общественнаго самосознанія.

Чѣмъ дальше—тѣмъ все смѣлѣй и смѣлѣе расправляла свои сѣрыя перепончатыя крылья новая невиданная птица, зашѣвшая въ садахъ отечественной словесности новыя, чуждыя для слуха русскаго читателя, пѣсни. И, подъ хаотическіе звуки этихъ дисгармоничныхъ „пѣсенъ“ въ пышно разросшихся передъ тѣмъ садахъ стало происходить нѣчто печальное: цвѣтники началъ глушить бурный п чертополохъ. Художественно-литературный кругозоръ

ссузился до неузнаваемости; за художественное стали сходить „художества“, весьма немногочисленныя съ нимъ имѣющія. Художники самоновѣйшей формации,—еще недавно проскальзывавшіе бочкомъ въ маскарахъ и забралахъ, въ храмъ литературы съ лѣствыми поклонами и галантными расшаркиваніями передъ каждымъ истиннымъ и мнимымъ авторитетомъ,—дерзко подняли головы, увѣчанные пестрыми картонными тѣлами, и окинули презрительнымъ и уничижающимъ взглядомъ все „осмѣливающееся“ не поддѣлывать имъ въ унисонъ.

Новоявленные таланты создали, конечно, и своихъ новыхъ поклонниковъ—изъ категорій тѣхъ, кто вѣчно „алчетъ новизны“ и только новизны,—не имѣя за душой ни болѣе или менѣе твердыхъ убѣжденій, ни какихъ бы то ни было завѣтныхъ традицій. Самое слово „завѣтъ“ зазвучало для нихъ чѣмъ-то архаическимъ. Бойкая журнальная труха, щедро приправленная звонкой шумихою пріятныхъ фразъ quasi-символизма, quasi-идеализма и прочихъ „quasi“,—болѣе чѣмъ смѣло стала выдаваться за художественную литературу и философію. Со страницъ быстро одекандентизировавшихся журналовъ полетѣли во всѣ стороны энергичные плевокъ и трескучія заушенія по адресу прежнихъ (?) кумировъ. Плеяда выросшихъ на нѣсколько аршинъ „изъ ничего“ философовъ, публицистовъ, критиковъ, романистовъ, поэтовъ и другихъ „художниковъ“ слова начала дѣйствовать „въ открытую“. Нимало не стѣсняясь, кинулась она, съ шикомъ кафешантанныхъ канканеровъ, въ самый безшабашный плясъ. Ор-

кестрь философски-усовершенствованных волюнок наполнил воздух звуками безстыдной рекламы „своимъ“...

И душно, и чадно стало въ журнально-литературной атмосферѣ... И шире и глубже, чѣмъ когда-бы-то-ни было, сдѣлалась пропасть, отдѣляющая одну отъ другой—литературу и журналистику... Журналистъ, оставаясь литераторомъ, пересталъ быть писателемъ, рыцаремъ литературы.

Литература и журналистика предстали въ глазахъ читателей двумя различными элементами... И все больше стало у насъ журналистовъ, и все меньше, все меньше — литературы... Литературу въ журналистикѣ (въ большинствѣ нашихъ журналовъ) сдѣлалось необходимымъ отыскивать съ помощью особаго микроскопа, самолично изобрѣтеннаго неприглядной дѣйствительностью.

Тяжелыя времена... Утѣшительна только мысль, не отходящая отъ преданныхъ не только журналистикѣ, но и литературѣ, людей, что эти времена—временны...

И вотъ, въ самый разгаръ самодовольщаго декадентства мысли, въ вадивнушемся на литературу туманѣ пустопокой „философѣ“ водотолченія, одобреннаго до приности порнографіей, — блеснула яркій лучъ солнца, раздался молодой голосъ истиннаго художника — поэта... Прозвучали „забытыя слова“ о старомъ-незабвенномъ... И что-же?! Несмотря на трезвоу здравшаго выше всякой мѣры пость декадентства, несмотря на дружное бряцаніе кимваловъ „символизма“ — голосъ этотъ былъ услышанъ всѣми... Свѣтлый лучъ озарилъ предъ утомленными взорами современниковъ темную-темную бездну...

И всѣмъ стало жутко за оторванную отъ сердца народнаго литературу. Съ лихорадочной горячностью заговорила журналистика, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, о томъ, что — казалось — было уже навсегда изгнано за двери журнальных салоновъ, — о *мужикахъ*...

Это были „Мужики“ Антона Чехова, талантливѣйшаго изъ нашихъ

молодыхъ писателей, — къ стыду современныхъ критиковъ, еще до сихъ поръ не оцѣненнаго по достоинству. Въ противовѣсъ самозванно установившемуся мнѣнію самонящихъ спортсменовъ журналистики, богато одаренный талантомъ художественнаго проникновенія писатель, — оставаясь неимѣнно преданнымъ завѣтамъ славнаго прошлаго литературы, — не явился „старовѣромъ“, а дѣйствительно — сказалъ свое новое слово. И это „слово“ не притянута за волосы къ трафарету новизны, не получило изъ химической перегонки повозобрѣтенныхъ элементовъ... Оно подсказано живой дѣйствительностью. Ху-

дожественная правда слилась подъ перомъ чуткаго художника въоедино съ правдой жизни. И въ общемъ, изъ такого сліянія — вышло прекрасное цѣлое...

То, что другимъ стоило-бы усилій кропотливаго труда ивыразилось-бы цѣлыми томами, — далъ А. П. Чехову одинъ размахъ могучей кисти. Произведение, заставившее такъ

заговорить о себѣ и такъ авторитетно напомнившее забывчивымъ журналистамъ о ихъ неоплатномъ долгѣ обществу, — не романъ-хроника, не просто романъ, даже не повѣсть, а *только* рассказъ, занявшій менѣе тридцати страницъ крупнаго и разгонистаго шрифта въ апрѣльской книжкѣ журнала „Русская Мысль“. Этотъ журналъ *менѣе* другихъ былъ повиненъ въ забвеніи своихъ задачъ и менѣе *всѣхъ* другихъ поддавался въ періодъ журнальнаго разстѣпня въаніямъ „декаденса“. На его долю выпала завидная роль — сказать „Опомнитесь!“ устами автора „Мужиковъ“.

Критикъ одного журнала, говоря о новомъ рассказѣ талантливаго писателя, сравнилъ произведенное имъ впечатлѣніе со впечатлѣніемъ отъ звуковъ ревіема, раздавшихся надъ толпою, среди непристойнаго уличнаго гама. По *силѣ* впечатлѣнія, да — это ревіемъ... Но, по существу своему, если и „ревіемъ“, то (дай-то, Боже) ревіемъ зарвавшегося саврасу безъ уады — Пегасу современной разнузданной декадентчины...

Какъ древній Антей, припадая въ минуты утомленія на грудь матери — Земли, вставалъ съ новыми силами къ борьбѣ; такъ и художникъ-писатель нашихъ дней можетъ черпать свѣжую мощь вдохновенія скорѣе и върѣе всего изъ общенія съ жизнью народа. Водю, заставляющею разрубленные куски мертвотѣла сростаться и оживать, — живую водю художественнаго творчества — и въ раскаленныхъ пескахъ пустыни копка вѣка можетъ поить жаждущихъ все тотъ-же вѣковѣчный, пейзажающій источникъ. Источникъ этотъ — сердце народное...

„Золото, *золото* — сердце народное!“ — сказалъ поэтъ... И правда, не легко размѣнять это старое, хотя-бы и покрытое грязью и плѣсенью обыкновенной житейской суеты — золото неподкрашенной простоты и родной правды на мѣдные пятаки перенатой и перенимаемой съ чужого голоса самоновѣйшей quasi-художественности и quasi-красоты, подъ знаменемъ которыхъ собрались скороснѣлые вершители судебъ литературы въ нашей журналистикѣ...

Даже небольшой, но искренній, литературный талантъ можетъ многое высказать, припасть слухомъ къ этому сердцу... Это и было доказано цѣлою школою беллетри-

Пiazza в Венеціи.—Фотохромотипія съ акв. Лео Сфорца.

ство-народниковъ, изъ которыхъ, собственно говоря, только А. И. Левитовъ, да Н. Н. Златовратскій и могутъ называться истинными художниками слова. И въ то-же самое время слово и всѣхъ другихъ соратниковъ ихъ по мирному оружію—не мимо молвилось...

Несмотря на то, что писателями-народниками жизнь нашего крестьянства была представлена въ цѣломъ рядъ капитальныхъ по своему значенію, въ ширь и въглубь захватывавшихъ ее произведеній,—маленькій рассказъ Антона Чехова открываетъ предъ своими читателями новыя черты бытового и духовнаго облика народа. Авторъ „Мужиковъ“ является здѣсь и художникомъ-поэтомъ, и бытописателемъ, и психологомъ. Больше всего въ этомъ литературномъ шедеврѣ—позаи и, что особенно важно, совѣтъ нѣтъ публицистики, излишествомъ которой грѣшили превосходные очерки Глѣба Успенскаго. Присутствие, малѣйшее присутствие публицистическаго элемента въ произведеніи художественномъ—всегда вредитъ силѣ непосредственнаго впечатлѣнія. А между тѣмъ, большинство беллетристовъ нисколько не задумываются надъ этимъ.

Въ „Мужикахъ“ нѣтъ ничего вводнаго,—каждая картина, каждый образъ, каждая строка,—для полноты впечатлѣнія необходимо должны стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ запечатлѣла ихъ рука художника. При несложномъ съ виду содержаніи, рассказъ этотъ слишкомъ сложенъ по внутреннему своему смыслу. Въ немъ не только затронутъ, а представленъ во всемъ потрясающемъ ужасѣ, важнѣйшій изъ всѣхъ вопросовъ современной экономической и духовной жизни народа—нахара, стоящаго на роковомъ распутьи между отстаивающимъ права на существованіе стародавнимъ, вѣками слагавшимся укладомъ и новыми, выходящими его изъ колен, теченіями. Восторгъ отъ этого распутья, но на разстояніи, позволяющемъ видѣть все творящееся на немъ, стоятъ ошарашенные отъ деревни, перемолотые жерновами гѣрода и выброшенные обратно въ среду стащаго чуждымъ для нихъ крестьянства. И на этомъ пестромъ фонѣ разыгрывается никому кромѣ дѣйствующихъ лицъ не видная драма, подмѣченная чуткимъ художникомъ въ самомагнѣйшихъ деталяхъ.

Какъ далека эта драма отъ большинства тѣхъ слащавыхъ „драмъ“, какія мы, жители столицы, привыкли видѣть на театральныя подмосткахъ. И такъ близка она къ той правдѣ жизни, которую называютъ „горькою“... Существованіе этой горькой правды—является величайшимъ укоромъ для прогресса современной общественной жизни Россіи...

„Несложно и не новъ рассказъ“, — но какъ сложно, какъ ново все высказанное въ немъ А. П. Чеховымъ!.. Вотъ—простой, какъ сама жизнь, сюжетъ „Мужиковъ“...

Въ деревню Жуково (одну изъ тысячъ подобныхъ ей деревень), существующую болѣе отхожимъ промысломъ, чѣмъ землепашествомъ, хотя и расположенную въ хлѣбородной полосѣ, пріѣхалъ съ женой и дочерью жуковскій крестьянинъ Николай Чикильдѣвъ, служившій лакеемъ въ одной изъ московскихъ гостинницъ, но изъ-за неизлѣчимой болѣзни ногъ потерявшій мѣсто „добычи“ денегъ для себя и для деревни. Пролѣживъ безрезультатно всѣ припопеленныя за долготѣнную службу деньжонки, онъ рѣшилъ, что „дома и хворать легче, и лѣчиться дешевле“, — недаромъ говорится, что „дома—стѣны помогаютъ“, — и поѣхалъ въ родное гнѣздо, оставившее въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Но онъ—„даже испугался“, когда пріѣхалъ домой; жена-же и дочь Николая смотрѣли на новыя для нихъ мѣста только съ недоумѣніемъ. Предъ ними было одно изъ тѣхъ „гнѣздъ“, къ которымъ относятся извѣстные стихи Тютчева: „Эти бѣдныя селенья, эта скудная природа—край родной долготерпѣнья“... Граничащая съ нищетою бѣдность, непроглядная темень и подавляющая тѣснота, тѣснота и тѣснота, на которую такъ часто ссылается нашъ привычный ко всему русскій мужикъ... Сразу понявъ, „какая тутъ жизнь“, пріѣхавшіе въ Жуково однако „ничего не сказали другъ другу“; они, словно по инерціи, вошли въ общую струю долготерпѣнья. И потянулись день за днемъ, одинъ на другой похожіе, разнообразящіеся такими неселыми событиями, какъ пожаръ или пріѣздъ станового для сбора недоимокъ, или поголовное истребленіе цѣлой деревни сначала на свои, а потомъ и на „мірскія“, деньги... Темнота, тѣснота и бѣдность окружили пріѣзжихъ. Единственнымъ просвѣтомъ у Николая стали воспоминанія о недавнемъ прошломъ. „Объ эту пору въ Славянскомъ Базарѣ обѣды“...—мечтательно говорить онъ, слыша за рѣкою звонъ ко всенощной. Даже въ ту минуту, когда у него вырывается, подъ впечатлѣніемъ всего видимаго и переживаемого, настоящимъ трагическимъ воплемъ такое обращеніе къ женѣ: „Оля милая,

не могу я больше тутъ... Силы моей нѣтъ... Ради Бога, ради Христа Небеснаго, напѣши ты своей сестрицѣ, пусть продастъ и закладываетъ все, что есть у ней, пусть высыластъ денегъ, мы уѣдемъ отсюда!..“.—и даже и тогда опъ вздыхаетъ съ тоской: „О, Господи, хотѣ-бы однимъ глазомъ на Москву взглянуть! Хотѣ-бы она приснилась мнѣ, матушка!“ У Ольги, жены Николая, тоска скрашивается любовью къ природѣ, чтеніемъ Евангелія, хожденіемъ въ церковь и выслушиваніемъ чужихъ жалобъ на горе-горькое житіе. Въ сердцѣ у ней слишкомъ много любви къ ближнему, слишкомъ много чуткости ко всему возвышающему жизнь надъ темнымъ, пошлымъ и низменнымъ. Она не можетъ безъ слезъ слышать непонятныхъ ей словъ изъ церковно-славянскаго текста Священнаго Писанія (въ родѣ „дондеже“), предполагая, что за ними кроется нѣчто въ высокой степени таинственное, великое и трогательное... Она утѣшается еще своей дочкой Сашей, которая настолько грамотна, что можетъ читать Евангеліе. Последнее обстоятельство дѣлаетъ ребенка предметомъ общаго удивленія и уваженія во всей деревнѣ, гдѣ даже сельскій староста и тотъ безграмотенъ. Темная деревня, въ лицѣ ея обитателей—„мужиковъ“, настолько жаждетъ свѣта, что лучъ его—грамотность—производитъ на нее неотразимое впечатлѣніе. Неграмотные, темные люди—старіки, видя читающаго! (да еще не простую книгу, а Священное Писаніе!) ребенка, приходятъ въ удивленіе. Въ каждомъ маленькомъ грамотнѣ, мужикъ видитъ залогъ болѣе свѣтлой будущаго! „Дайте-же этому темному брату-человѣку какъ можно больше, очаговъ просвѣтленія—школъ, и вы увидите, что онъ можетъ сдѣлать!“—невольно напрашивается мысль при чтеніи чеховскаго рассказа... Даже старикъ Осипъ, дѣдушка дѣвочки-грамотнѣйки, повидимому сведшій весь круговоротъ своихъ духовныхъ потребностей на „полбутылочку“—и тотъ какъ-то особенно кашляетъ, суетится и ищетъ глазами гостинца, который можно было бы дать внучкѣ, когда она вынимаетъ умиленную слезу у матери и деревенскихъ бабъ своимъ чтеніемъ. „Дондеже“, произносимое тоненькимъ ребячьимъ голоскомъ, по строго и торжественно, прошибаетъ и закорюзлую сермягу старика, попадаетъ прямо въ сердце. Не найдя вокругъ ничего похожего на „гостинецъ“, онъ разочарованно машетъ рукою, какъ-бы говоря: „Гдѣ ужъ тутъ—при нашей тѣснотѣ—гостинцы!“ Передъ глазами у меня стоитъ, „какъ живая“, эта чеховская деревня Жуково, откуда почти всѣхъ ребятъ отправляли въ Москву „по трактирной части“, въ официанты, лакеи и повара... Какъ сейчасъ, я вижу это „бѣдное селеніе“, затерявшееся гдѣ-то тамъ—во глубинѣ Россіи... „Хорошо у васъ здѣсь! Радость!..“—слышится мнѣ степенно-глубочій голосъ Ольги... „Не добычи!.. Мужики наши горькие, не въ домъ несутъ, а изъ дому...“—дребезжитъ у меня въ ухахъ слезливая жалоба типичной старухи-бабки, представительницы стараго уклада деревенской жизни, держащейся и руками, и зубами за землю, глубоко убѣжденной, что только она одна и можетъ еще спасти „домъ“ и удержать на ускользающей изъ-подъ ногъ почвѣ домашнихъ „не добычи“... Все-то она безпокоится, какъ-бы кто не съѣлъ лишняго куска, какъ-бы невѣстки не сидѣли безъ работы, какъ-бы гуси не зашли на ея огорода, какъ-бы ворона не подобралась къ цыплятамъ. Она, этотъ грубый геній бѣдной мужицкой семьи, не задумывается даже высѣчь и вичку-грамотнѣйку, вызывавшую и у ней-самой слезу умиленія такимъ псевдонимнымъ словомъ, какъ „дондеже“,—за то, что дѣвочка, вмѣсто того, чтобы не спускать глазъ съ довершающагося надзора огорода, засмотрѣлась на луга, на рѣку, на небо (гдѣ увидѣла даже „маленькихъ ангелочковъ съ крылышками“) и заговорила съ другой вичкою „злой бабки“ о томъ, что „въ церкви Богъ живетъ“, и о „свѣтопредставленіи“, когда, по ея словамъ, „всѣ церкви унесутъ на небо“, а добрые пойдутъ въ рай... „Ничего, ничего!.. Она бабушка, на нее грѣхъ сердиться... Ничего, дѣтка!“—утѣшаетъ плачущую Сашу мать, вся блѣдная и разстроена—„Вы не имѣете никакого полнаго права ее бить!“—вырывается крикъ истерзанной голодомъ, угаромъ и смрадомъ жизни души у Николая, уже возненавидѣннаго деревню съ ея бѣдностью.—„Ну, околѣнешь тамъ на почкѣ, ледащій!.. Пришла насть сюда полегкая, дармождовъ!“—отзывается на плачущій голосъ больного жена его брата, солдатка-Фекла, которой было „по вкусу“ все окружающее: и бѣдность, и нечистота, и неутомная брань—которая, какъ рыба въ водѣ, была въ деревенской темнотѣ... И этотъ „отзывъ“, мнѣ кажется, является всего и заставилъ Николая понять, что напрасно онъ пріѣхалъ „домой“, что хворать въ родномъ гнѣздѣ ему, оторванному отъ почвы мужику, не въ примѣръ тяжелѣе, чѣмъ

вдали отъ тѣхъ мѣстъ съ которыми связывали его свѣтлыя воспоминанія яснаго, какъ заря солнечнаго майскаго дня, и у бѣднаго темнаго человѣка дѣтства. „Силы моея пѣты!.. Хотя-бы приснилась Москва-матушка!..“ — стопеть онъ, и, вѣроятно, приходятъ ему на память печальныя рѣчи старухъ-сосѣдокъ, въ родѣ „Не добычикъ ты, Николай Осипычъ, не добычикъ! Гдѣ ужъ...“ Онъ и самъ сознаетъ, что онъ *уже* не „добычикъ“... Но мысль о томъ, что онъ могъ-бы имъ быть, не покидаетъ скопидомницу-бабку, взявшую на себя роль большака семьи... „Не отдамъ, не отдамъ я тебѣ, окаанный!“ — вопить старуха, когда староста—по отъѣздѣ станового изъ деревни—уноситъ изъ чикильдѣвской избы самоваръ. „Православные, кто въ Бога вѣруетъ! Баюшки, обидѣли! Родненькие, затѣспили!“ — кричитъ она, гонясь за нимъ. „Бабка, бабка имѣй рассудокъ въ своей головѣ!“ — пытается урезонить „бунтовщицу“ исполнительная власть. Но та не слышитъ словъ старосты,—вся она охвачена мыслью объ отнимаемомъ „добрѣ“... Во всемъ Николай виноватъ,—думаетъ она, пернувшись въ избу, и накидывается на него съ пѣлымъ градомъ упрековъ. „Зачѣмъ онъ сюда прѣхалъ, да еще съ семьей? Если умретъ, то на какія деньги его хоронить?!“ А онъ еще могъ-бы нести „добычу“ въ домъ, если-бы выздоровѣлъ... И вотъ, она привозитъ изъ города къ „ледащему“ отставному военнаго фельдшера, рекомендованнаго дядькомъ въ качествѣ „хорошо лѣчащаго“ человѣчка... Двадцать четыре „банки“, поставленныхъ имъ на грудь Николаю, „хорошо“ сдѣлали свое дѣло: къ утру того-же дня больная затихъ навѣки... Ему уже не были-бы слышны ни грубыя укоризны „бабки“ (матери его), ни сожалительныя вѣдохи сосѣдей и сосѣдокъ, ни протяжный, какъ изъ-подъ земли выходящій, пьяный крикъ брата—Кирияка „Ма-арья!“, съ которымъ подходилъ всегда къ избѣ тотъ, возвращавшійся изъ трактира и собираясь бить смертнымъ боемъ бабу-жену (Марью)... *Дома*, можетъ быть, даже рады его смерти: „Когда Николай умретъ, мужу Феклы Денису, выйдетъ льгота, вернуть со службы домой!“—приходилось не разъ ему слышать при жизни. А Денисъ-солдатъ—не ледяной, какъ онъ, а „добычикъ“... Пѣлую зиму, суровую зиму, выжили Ольга съ Сашей въ „родномъ гнѣздѣ“, гдѣ „съ Рождества не было своего хлѣба и муку покупали“... Тамъ было еще темнѣй и тѣснѣе прежняго. Повѣяло весной, и рѣшено было не только

„дармоѣдамъ“, но и Кирияку, уйти наниматься въ Москву. „Ахъ, скорѣе-бы уйти!“ — надрывается Ольга... *Ушли*, и ей стало жаль разставаться съ деревней и съ мужиками... А вдову тосковавшего о Славянскомъ Базарѣ съ его „приличными господами“ и „котлетами-маршалами“ ле-добычка пожалѣла только горемычная Марья, заголосившая вслѣдъ уходившимъ: „Опять я одна осталася, бѣдная моя головушка, бѣдная-несчастная!“ Ей не съ кѣмъ стало уже дѣлиться своими печальми... Кириякъ задержался дома на время и, конечно, успѣетъ еще повторить свое „Ма-арья!“... На послѣдней страницѣ разсказа въ глубину души читателя врывается „пѣсня“, которая то-и-дѣло слышится на Руси подъ окнами: — „Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой!“ Это выводитъ тонкимъ голосомъ Ольга передъ избою побогаче и поновѣе въ большомъ придорожномъ селѣ. „...Подайте, что милость ваша, царство небесное...“ — вторила ей Саша...

Слезы проснутся изъ глазъ, *хорошія* слезы,—когда дочитываешь эту умѣстившуюся на 28 страницахъ полную хропику жизни современной нашей деревни. А впечатлительная фантазія, какъ на-грѣхъ, вызываетъ передъ глазами одну за другою тѣ картины деревни, которые заставляли чеховскую Ольгу говорить: „Хорошо у васъ здѣсь... Раздолье...“ И тутъ-же выплываютъ изъ темной тѣмны крестьянской „тѣсноты“ тѣ жемчужины моря народнаго, изъ-за которыхъ и огрубѣло, закорузло, темное сердце мужика зовется „золотомъ“...

„Какая была-бы прекрасная жизнь на этомъ свѣтѣ, если-бъ не нужда, безысходная нужда, отъ которой нигдѣ не спрячешься!“ — повторить не одинъ изъ многочисленныхъ читателей за талантливейшимъ изъ нашихъ молодыхъ художниковъ слова, за авторомъ „Мужиковъ“.

Какъ прекрасно было-бы для *литературы*, если-бы въ нашей *журналистикѣ* было поменьше декадентско-философскаго канканерства и гаерства и побольше такихъ „мелкихъ“ (съ точки зрѣнія аршинниковъ печати) разсказовъ!.. Прочелъ его разъ, прочелъ—другой и не хочется больше ничего читать, ни о чемъ говорить, кромѣ него... Все остальное—до слѣдующихъ „замѣтокъ“...

Присяжный читатель.

ВЪ МІРѢ ПОЛИТИКИ.

VIII.

Съ воскресенья, 8-го (20-го) іюня, въ Лондонѣ гремятъ юбилейныя торжества въ честь семидесятивосьмилѣтней королевы Великобританіи Викторіи, безмятежному царствованію которой наступилъ 61-й годъ.

Англичане были въ такой степени заняты приготовленіями къ достойному чествованію такого безпримѣрнаго въ исторіи европейскіхъ государствъ царственнаго юбилея, что отъшлились ото всѣхъ другихъ заботъ, предали забвенію всѣ политическія общественныя и экономическія злобы дня и исключительно сосредоточились на самодовольномъ созерцаніи своей „всемирной мощи“. Объ этой всемирной мощи сердцу и разуму англичанъ громко говорятъ миллионы британскіхъ подданныхъ, съѣхавшихся въ Лондонъ со всѣхъ концовъ земнаго шара, представителей ся многочисленныхъ колоній, охватившихъ своею сѣтью всѣ страны свѣта, вассальныя князья Индіи, депутаты отъ туземныхъ войскъ всѣхъ заокеанскихъ земель, состоящихъ подъ англійскимъ владычествомъ. Вся эта пестрая смѣсь племенъ, народовъ и націй, слившихся съ англійскою націей въ одномъ общемъ чествованіи шестидесятилѣтняго царствованія королевы Викторіи, должна была въ высокой степени польстить самолюбію англичанъ и заставить ихъ съ гордостью оглянуться на минушіе шестьдесятъ лѣтъ царствованія монархини, подъ скипетромъ которой, параллельно государственному, политическому, промышленному и экономическому росту Англіи, такъ изумительно развилась ея колониальное могущество. Рядомъ съ внутреннимъ значеніемъ пышнѣйшихъ юбилейныхъ торжествъ для семьи англійскихъ подданныхъ королевы Викторіи, выступило торжество идеи великой „всемирной британской федераціи“—идеи тѣсной уніи Соединеннаго Королевства съ его заокеанскими владѣніями. Словомъ, юбилейная недѣля въ Лондонѣ, должная завершиться морскимъ смот-

ромъ на Спитгэдскомъ рейдѣ, изобразить собою въ своемъ родѣ апоѳеозъ широко раскинувшейся колониальной системы, въ центрѣ которой стоитъ Лондонъ. Когда громъ празднествъ уляжется и англичане вернутся къ своимъ будничнымъ заботамъ, имъ будетъ чѣмъ похвалиться въ глазахъ всего просвѣщеннаго міра. Смѣлый, практичный, неустанно совершенствующійся англійскій народъ вступилъ въ новый періодъ царствованія все той-же мастиной монархини, подъ сѣнью которой внутреннія силы Англіи, ея колониальныя завоеванія и въѣхшее могущество достигли поражающихъ размѣровъ. „Дай Богъ, чтобы миръ еще на долго сохранился“, — произнесъ наслѣдникъ британскаго престола, принцъ Уэльскій, на банкетѣ, происходившемъ въ лондонскомъ „Императорскомъ Институтѣ“ (Imperial Institute) въ честь первыхъ министровъ автономныхъ англійскихъ колоній. „Но если, — прибавилъ онъ, — національному флагу будетъ угрожать опасность, то всѣ сольются для сохраненія существующаго порядка и цѣлостности имперіи“. Въ этихъ словахъ выразился весь смыслъ, все значеніе лондонскихъ юбилейныхъ празднествъ въ честь шестидесятилѣтняго пребыванія королевы Викторіи на престолѣ Соединеннаго Королевства.

За Атлантическимъ океаномъ совершилось довольно важное событіе — присоединеніе Гавайскихъ острововъ къ Соединеннымъ Штатамъ. Само по себѣ это территориальное пріобрѣтеніе не представляетъ значенія въ смыслѣ расширенія владычества сѣверо-американскаго союза, но оно существенно съ той точки зрѣнія, что захватъ американцами гавайскаго архипелага выходитъ изъ политическія программы, которой держались до сихъ поръ Соединенные Штаты. На Гавайскихъ островахъ американцы сталкивались съ соперничествомъ японцевъ и всячески старались ослабить тамъ японскій элементъ. По внѣшней американцевъ совершили переворотъ, окончившійся низложеніемъ гавайской королевы Лилиукалани и провозглашеніемъ Гавай-